

Стеколыщикова Ирина Витальевна

НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГУМБОЛЬДТИАНСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА А. ШЛЕЙХЕРОМ, А. ОВЕЛАКОМ И М. МЮЛЛЕРОМ

Статья посвящена анализу натуралистических взглядов на язык Вильгельма фон Гумбольдта с позиции лингвистического натурализма, присущего Августу Шлейхеру, Фридриху Макс Мюллеру и Абелью Овелаку. Проанализированы следующие вопросы: понятие языка, сущность языка, связь языка и расы, проблема языка как живого организма, связь языка и мышления. Выявлены сходства и различия взглядов Вильгельма фон Гумбольдта, Августа Шлейхера, Фридриха Макса Мюллера и Абелья Овелака на вышеперечисленные проблемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 158-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бочкарев А. И., Скворцова Е. Б. Комбинаторные характеристики речевого акта извинения *sorry* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48). Ч. 2. С. 48-52.
2. Плетнёва Е. А. Коммуникативно-прагматический диапазон формул извинения в британской языковой культуре [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003461269#?page=1> (дата обращения: 02.04.1015).
3. Brigham Young University – British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/BNC> (дата обращения: 05.02.2016).
4. Brigham Young University – The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 07.02.2016).
5. Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction. Berlin – N. Y. – Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. 390 p.

APOLOGY AS THE PRIMARY FUNCTION OF PERIPHERAL FORMS OF APOLOGIZING *APOLOGISE/ZE, FORGIVE ME, PARDON* WHILE STUDYING THEIR COMBINATORY CHARACTERISTICS

Skvortsova Elena Borisovna
Novosibirsk State Technical University
Neon-999@mail.ru

The article identifies two main groups of functions that can perform the peripheral forms of apologizing *apologise, forgive me* and *pardon*. The first group includes cases in which the expression of apologizing is the primary function of these forms. The second group includes cases, in which expression of apologizing is their secondary function. Then the analysis of the first group expressions is done: the correlation of cases of using each of these forms in different variants is revealed, and the comparison of combinatory characteristics of these forms is conducted as well.

Key words and phrases: expressive; intensifier; primary and secondary functions; forms of expression.

УДК 81-119

Статья посвящена анализу натуралистических взглядов на язык Вильгельма фон Гумбольдта с позиции лингвистического натурализма, присущего Августу Шлейхеру, Фридриху Макс Мюллеру и Абелю Овелаку. Проанализированы следующие вопросы: понятие языка, сущность языка, связь языка и расы, проблема языка как живого организма, связь языка и мышления. Выявлены сходства и различия взглядов Вильгельма фон Гумбольдта, Августа Шлейхера, Фридриха Макса Мюллера и Абеля Овелака на вышеперечисленные проблемы.

Ключевые слова и фразы: язык; организм; натурализм; сущность; жизнь; раса; речь; мышление.

Стеколыщикова Ирина Витальевна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
vasiliy333@mail.ru

**НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГУМБОЛЬДТИАНСКИХ ВЗГЛЯДОВ
НА СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА А. ШЛЕЙХЕРОМ, А. ОВЕЛАКОМ И М. МЮЛЛЕРОМ**

В настоящей статье мы попытаемся осветить взгляды Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835) на проблемы сущности языка, связи языка и мышления, языка расы с точки зрения лингвистического натурализма Августа Шлейхера (1821-1868), Фридриха Макса Мюллера (1823-1900) и Абеля Овелака (1843-1896). В последнее время можно наблюдать активный пересмотр научных концепций прошлого. В этой связи обращение к лингвистическому наследию с сопоставительных позиций представляется нам актуальным. Мы анализируем, в каком отношении А. Шлейхера, М. Мюллера и А. Овелака можно считать преемниками, а в каком – антагонистами В. фон Гумбольдта в указанных вопросах. В этом состоит научная новизна и теоретическая значимость исследования. В практическом плане содержащиеся в нем данные, а также сформулированные на их основе выводы могут быть использованы преподавателями и студентами в курсах по теории языка, общему языкознанию, истории лингвистических учений.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что в основу натуралистической концепции языкознания, представителями которой являются Август Шлейхер, Фридрих Макс Мюллер, Абель Овелака и некоторые другие ученые, легли определенные постулаты немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта. Как сказал исследователь его творчества А. В. Гулыга, Вильгельм фон Гумбольдт «...был натуралист в высоком смысле этого слова, то есть мыслитель, отыскивающий естественные причины сущего, исследовавший и отстаивающий природное начало в человеческих установлениях» [1, с. 355]. Нет необходимости приводить здесь все аспекты лингвистического наследия В. фон Гумбольдта. Мы затронем лишь те идеи этого ученого, которые так или иначе повлияли на формирование мировоззрения лингвистов натуралистического направления.

Известно, что В. фон Гумбольдт воспринимал язык «не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как созидательный процесс (Erzeugung)», поскольку язык – это «не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» [Там же, с. 69-70]. Именно поэтому очень важно выполнять следующее условие, описанное им в работе «О различении организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» (1830-1835): «Не принимать язык за мертвый продукт, а рассматривать его в самом акте рождения...» [2, с. 38]. Таким образом, для ученого язык – это не нечто мертвое, механическое, а живое природное создание: «...язык не есть мертвый часовой механизм, но живое творение, исходящее из себя самого» [1, с. 275]. В. фон Гумбольдт говорит о том, что язык нужно воспринимать как живое существо: «Он – живой организм, и с ним нужно обращаться как с таковым» [Там же, с. 312]; поэтому не следует подвергать язык членению и фрагментарному описанию, а изучать его систематически, во всей его целостности.

Именно эта идея о языке как живом биологическом организме легла в основу натуралистического взгляда на язык, характерного для Августа Шлейхера и Абеля Овелака. Например, немецкий ученый Август Шлейхер в своем труде «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863) называет языки «естественными организмами», появляющимся на свет независимо от человека, проходящим все этапы развития, которые присущи любому живому существу, «представляя собою весь тот ряд явлений, который обыкновенно подразумевается под названием “жизни”» [9, с. 3]. О том же говорит и французский ученый Абель Овелака в своей работе «Эволюция языка» («L'évolution du langage») (1885): «La variation est continue; les langues naissent, se développent, entre en decadence, s'éteignent comme tous les êtres organisés» [11, p. 8]. Иными словами, языки все время эволюционируют: рождаются, развиваются, постепенно приходят в упадок и исчезают, как все организованные существа. Английский представитель лингвистического натурализма Макс Мюллер, однако, не соглашается с А. Шлейхером и А. Овелаком в этом вопросе. Он называет идею о том, что язык является живым организмом, обладает собственной жизнью (рождается, созревает, производит потомков и умирает), в «Лекциях по науке о языке» («Lectures On the Science of Language») (1861-1864) чистой мифологией: «To speak of language as a thing by itself, as a living life of its own, as growing to maturity, producing offspring, and dying away, is sheer mythology» [13, vol. 1, p. 44].

В статье «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие» (1821) Вильгельм фон Гумбольдт говорит о происхождении и сущности языка следующее: «Языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы...» [1, с. 324]. А затем добавляет добавляет, что языки являются саморегулирующимися и саморазвивающимися сущностями [Там же]. Таким образом, ученый вновь утверждает, что языки являются самостоятельными жизненными организмами.

Далее В. фон Гумбольдт рассуждает о том, что язык разделяется на грамматику и лексику, таким образом складывается «органическая жизнь языка», существование которой необходимо признать [Там же, с. 325]. Наличие у языков собственной жизни, которая не зависит от человека, признавали и лингвисты-натуралисты, например, Август Шлейхер, полагающий, что языки развиваются «независимо от воли человека по известным законам» [9, с. 3]. Поколения людей, по мнению В. фон Гумбольдта, приходят и уходят, язык же остается и становится более сильным и мощным: он связывает поколения.

В вышеупомянутой работе «О различении организмов человеческого языка...» В. фон Гумбольдт вновь повторит, что «язык имеет самостоятельное бытие» и не зависит от отдельных личностей [2, с. 60]. Однако здесь ученый делает оговорку: «действительную жизнь язык получает только из употреблений между людьми» [Там же]. Схожую мысль с последним тезисом можно найти и в «Лекциях по науке о языке» Макса Мюллера, считающего, что один человек не может что-либо изменить в языке: «Обратим сперва внимание на то, что, хотя язык и подвергается непрерывной перемене, однако не во власти человека ни произвести, ни отвратить ее» [4, с. 28].

По мнению В. фон Гумбольдта, язык функционирует полноценно только при употреблении его в устной речи: «...всякий язык раскрывается во всей полноте своей истинной особенности только в живом употреблении, в речи *говорящего* лица» [2, с. 62] (выделение В. фон Гумбольдта). Похожее мнение мы встречаем и у М. Мюллера, который считает, что язык живет, пока на нем разговаривают, и умирает с каждым словом, которое прозвучало и больше не слышится: «it lives in being spoken, it dies with each word that is pronounced, and is no longer heard» [13, vol. 1, p. 52].

Более того, у языка, как у индивидуальной живой сущности, по словам В. фон Гумбольдта, имеется не только форма, но и собственный характер, который влияет на освоение и использование языка, – свой «дух» [1, с. 163]. И этот индивидуальный «дух» распространяется на все ответвления языка, пропитывает все его фонетические элементы. Причем, по мнению В. фон Гумбольдта, каждый язык имеет свой собственный неповторимый характер, который может даже менять языковые значения в субъективном или количественном отношении [Там же, с. 171]. И, наконец, характер является внутренней сущностью, принадлежностью языка, не связанной с внешними воздействиями на него: «Характер не проявляется в языке как некое постороннее воздействие, но сама деятельностная сила непосредственно проявляется в нем как таковая...» [Там же]. Характер языка, как характера человека, по мнению В. фон Гумбольдта, представляет собой нечто уникальное, индивидуализированное и определенное, чего не скажешь о слове как таковом, которое обладает меньшей индивидуальностью из-за своей зависимости от предметов и обобщенного значения [Там же, с. 174].

Как любому живому организму, языку свойственно определенное развитие, становление, называемое В. фон Гумбольдтом «кристаллизацией» [Там же, с. 162]. Но, как и существование любого организма, жизнь языка заканчивается смертью: «Язык подвергается сначала так называемому очищению, потом обедняется и, наконец, приходит к своей смерти, как бы богат и употребителен он ни был» [Там же, с. 325]. Эта точка зрения (постепенное обеднение языка вплоть до исчезновения) присуща и натуралистам, например,

французскому лингвисту Абелью Овелаку: «Les langues en effet naissent, croissent dépérissent et meurent comme tous les êtres vivants.» [10, p. 9] / «В самом деле, языки рождаются, растут, истощаются и умирают, как все живые существа» [6, с. 9].

Языки, по мнению В. фон Гумбольдта, переходящи, как все живое на земле [1, с. 325]. Эта идея также согласуется с натуралистической концепцией языкознания. Например, по мнению А. Овелака, языки проходят сначала зародышевый период, затем достигают зрелости и в конце подвергаются «регрессивному метаморфозу»: «Elles ont passé tout d'abord par une période embryonnaire, elles atteignent un complet développement et sont livrées, en fin du compte, à la métamorphose régressive» [10, p. 9].

По мнению ученого, «язык есть орган, образующий мысль» [1, с. 75], другими словами, «язык есть орудие образования мысли» [2, с. 48]. В. фон Гумбольдт говорит о том, что язык и мыслительная деятельность представляют собой одно целое: «Поэтому деятельность ума и язык неразличны и неразлучны друг от друга» [Там же, с. 48-49]; «Язык и умственная организация не могут быть отделены друг от друга в их постоянном действии друг на друга» [Там же, с. 234] (выделение В. фон Гумбольдта). Во втором томе «Лекций по науке о языке» М. Мюллера мы также находим мнение о том, что язык и мысль неразрывно соединены, поскольку невозможно использовать слова без мысли, как и мыслить без слов: «it is impossible to use words without thought, as to think without words» [13, vol. 2, p. 76]. Таким образом, без речи нет разума, без разума – речи: «without speech no reason, without reason no speech» [Ibidem, p. 73]. А принцип идентичности языка и разума М. Мюллер считает основополагающим в лингвистике: «I consider the identity of language and reason as one of the fundamental principles of our science» [Ibidem, p. 80].

Для В. фон Гумбольдта человек – это говорящее и мыслящее животное: «В ряду животных человек есть поющая тварь, но с тем отличием, что со звуками он соединяет мысль» [2, с. 57]. Французский ученый Абель Овелак в своем труде «Лингвистика» («La linguistique») (1881) выражает похожее мнение: «Человек только потому человек, что владеет способностью членораздельной речи» [6, с. 18]. И именно эта особенность служит главным отличием человека от животного: «В конце концов, отличием человека от его низших братьев служит способность членораздельной речи. Способность эта не встречается ни у одного из них» [Там же, с. 22]. М. Мюллер в работе «Наука о мысли» («Science of thought») (1887), в свою очередь, замечает, что человек – это «животное с отличительным свойством способности дара речи» [5, с. 444], которой нет ни у какой другой породы животных.

Связь языка и мышления для В. фон Гумбольдта осуществляется в первую очередь посредством звука: «В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [1, с. 75]. В звуках языка, по мнению В. фон Гумбольдта, проявляется его индивидуальность, уникальность, самобытность: «...в его звуках; вместе с родным языком мы воспринимаем как бы частичку нашей самости» [Там же, с. 80]. Кроме того, посредством языка осуществляется связь человека с природой: «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [Там же].

В. фон Гумбольдт употребляет и термин «организм», столь характерный для натуралистов: «Поистине в языке следует видеть <...> вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными» [Там же, с. 78]. В качестве доказательства В. фон Гумбольдт рассматривает усвоение языка детьми, которое представляет собой не столько изучение слов и подражательное их повторение, сколько рост языковых способностей с возрастом благодаря выполнению упражнений [2, с. 54]. Иными словами, дети учатся языку не механически, а посредством природной способности, которая пробуждается у детей примерно в одном и том же возрасте сама собой.

Абель Овелак тоже называет язык организмом: «l'on peut considerer le langage comme un organisme» [11, p. 8]; а лингвистику – естественной наукой: «l'étude du langage est du domaine des sciences naturelle» [Ibidem, p. 4]. Лингвистика, по мнению французского ученого, является наукой естественной, поскольку способность к языку передается по наследству вместе со структурой и качествами мозга и находится в тесной связи с его развитием. Ребенок обучается способности говорить, как и другим действиям (например, хождению), благодаря своим природным данным, что коррелирует с вышеописанными взглядами В. фон Гумбольдта.

Однако термин «организм» В. фон Гумбольдт относит не только к языку, но и к нации: «Язык – это также расцвет всего организма нации» [1, с. 325]. Согласно В. фон Гумбольдту, язык воздействует и на национальный уклад жизни, дает импульс к духовной деятельности выдающихся умов нации, т.е. является активно действующим и необходимым одухотворенным созданием. Нация, в свою очередь, придает языку своеобразную окраску, оттенок, делая его уникальным, с присущими только ему чертами. Таким образом, один живой организм воздействует на другой, и получается взаимовлияние и взаимообогащение.

В. фон Гумбольдт, в отличие от А. Шлейхера, не считает, что время создания языка прошло и что оно требовало воздействия особых, не существующих теперь сил. Известно, что А. Шлейхер делит жизнь языка на доисторический и исторический периоды [3]. Рассвет языка, по мнению ученого, происходит в доисторический период. А в исторический период, согласно А. Шлейхеру, можно наблюдать лишь так называемое «падение» языка, т.е. постепенное его «омертвление», что произошло, например, с латинским языком. В. фон Гумбольдт называет указанный процесс «силой возрождать новые образования языков даже из развалин и осколков» [2, с. 233], поскольку латинский язык дал жизнь романским языкам, хотя он и богаче формами, чем произошедшие от него языки.

В. фон Гумбольдт говорит о том, что язык возник сразу, а не развивался постепенно из низших форм, и его создание обусловлено человеческой природой: «Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только

благодаря языку, а для того, чтобы создать язык, он уже должен быть человеком» [1, с. 314]. Схожее мнение о том, что язык возник в одно время с человеком, принадлежит и А. Овелаку: «On ne fabrique pas le système linguistique <...> mais il est né en même temps qu'est né l'homme individu, mais l'homme pris dans le sens général, le groupe humain, s'il on veut» [10, p. 36] / «Лингвистическая система не фабрикуется <...> но родилась в одно время с рождением человека, не отдельного человека, а человека вообще, человеческой группы» [6, с. 28].

В. фон Гумбольдт утверждает, что язык не был изобретен человеком, а предусмотрен самой человеческой природой: «Язык следует рассматривать <...> как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно <...> Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке» [1, с. 313]. Таким образом, не правы те, кто утверждает, что языки возникли вследствие необходимости общения. Сама природа человека предусматривает использование речи: «Язык происходит вследствие *внутренней потребности* человечества, а не внешней только надобности – поддерживать общественные сношения» [2, с. 11] (выделение В. фон Гумбольдта).

А. Шлейхер в своей работе «Немецкий язык» (1869) выражает противоположное суждение: «Где развиваются люди, там возникает и язык; первоначально, очевидно, это были звуковые рефлексивы полученных от внешнего мира впечатлений...» [3, с. 114]. По его мнению, наши предки не были в полном смысле слова людьми, а стали ими тогда, когда благодаря развитию мозга и словесных органов начали использовать речь. А. Шлейхер считает, что «становление человека начинается, следовательно, с возникновения языка, и обратно – с человеком возникает язык» [Там же]. В этом убеждении они сходятся с французским ученым А. Овелаком, который полагает, что предки человека не владели членораздельной речью и человечество приобрело способность пользоваться языком благодаря постепенному развитию органов речи: «Так как нельзя допустить <...> что способность членораздельной речи была приобретена человеком в один прекрасный день без причин <...> то приходится признать ее плодом прогрессивного развития органов» [10, p. 29]. А. Овелака полагает, что именно возникновение членораздельной речи превратило человекообразное существо в человека [Ibidem, p. 28].

В. фон Гумбольдт пишет о том, что разделение людей на расы и национальности связано с происхождением различных языков и диалектов: «Разделение рода человеческого на *племена и народы* и происхождение различных *языков и наречий* – эти два явления, тесно связанные между собою...» [2, с. 3] (выделение В. фон Гумбольдта). Именно поэтому язык, как бы свободен он ни был, зависим от народа, который на нем говорит: «...язык создает себя собственно силою и божественно свободен, а языки связаны, потому что зависят от народов, которым принадлежат...» [Там же, с. 7].

А. Овелака тоже связывает происхождение языков с происхождением рас и народностей. В работе «Смешение лингвистики и антропологии» («Mélanges de linguistique et d'anthropologie») (1880) Он предлагает термин «лингвистическая этнография» («l'ethnographie linguistique») для науки, которая представляет собой смесь двух наук – лингвистики и антропологии [12, p. 1]. Все научное творчество А. Овелака доказывает неполноценность лингвистических исследований без опоры на антропологию. Как он пишет в вышеупомянутой работе «Эволюция языка», антропология учит мирному смешению рас, солидаризации интересов, определению лучших социальных условий для людей, которые до сих пор являются слабыми в борьбе за выживание: «L'Anthropologie nous enseigne ce que nous avons à faire pour aider à cette oeuvre de la nature: il s'agit de travailler à la fusion pacifique des races, il s'agit de solidariser des interets, de faire accéder enfin à une condition sociale tous ceux, peuples ou individus, qui jusqu'à ce jour ont été les faibles et les vaincus dans la lutte pour l'existence» [11, p. 23].

Подводя итоги исследования, мы можем сделать вывод, что лингвистический натурализм А. Шлейхера, М. Мюллера и А. Овелака в ряде позиций согласуется с лингвистической теорией В. фон Гумбольдта: в понимании сущности языка, в вопросе о языке как организме, в связи языка и мышления, языка и расы. Однако внутри самого натуралистического направления нет единства взглядов на указанные проблемы. Например, М. Мюллер не принимает точку зрения на язык как живой организм, присущую В. фон Гумбольдту и другим натуралистам; взгляд В. фон Гумбольдта на периоды роста и распада языка, на заложенность языка в саму природу человека не совпадает с соответствующими позициями А. Шлейхера и А. Овелака, а ближе к концепции М. Мюллера и т.п.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., под ред. Г. В. Рамишвили Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
2. Гумбольдт фон В. О различении организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / пер. с нем. Изд-е 2-е. М.: Либроком, 2013. 376 с.
3. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
4. Мюллер Ф. М. Лекции по науке о языке / пер. с англ. Изд-е 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 314 с.
5. Мюллер Ф. М. Наука о мысли / пер. с англ. Изд-е 2-е, доп. М.: Либроком, 2011. 496 с.
6. Овелака А. Лингвистика / пер. с фр. Изд-е 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 328 с.
7. Стеколыщикова И. В. Вопрос о происхождении языка в трудах лингвистов натуралистического направления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические науки. Челябинск: ЧелГУ, 2016. № 4 (386). Вып. 100. С. 173-180.
8. Стеколыщикова И. В. Теоретические проблемы языкознания в научных трудах Абеля Овелака и Макса Мюллера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. М.: МГОУ, 2010. № 4. С. 42-46.
9. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. СПб.: Типография П. А. Кулеша, 1864. 14 с.
10. Hovelacque A. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
11. Hovelacque A. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
12. Hovelacque A. Mélanges de Linguistique et D'anthropologie. Paris: Ernest Leroux, éditeur, 1880. 330 p.
13. Müller F. M. Lectures on the science of language. 6-th ed: in two volumes. London: Longmans, Green, and Co, 1871. Vol. 1. 371 p.; Vol. 2. 668 p.

**NATURALISTIC RECONSIDERATION OF HUMBOLDT'S VIEWS ON THE LANGUAGE ESSENCE
BY A. SCHLEICHER, A. HOVELAQUE AND M. MÜLLER**

Stekol'shchikova Irina Vital'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
vasiliy333@mail.ru

The article is devoted to the analysis of naturalistic views of Wilhelm von Humboldt on language from the position of linguistic naturalism, peculiar to August Schleicher, Friedrich Max Müller and Abel Hovelaque. The following questions are analyzed: the concept of language, the essence of language, the connection of language and race, the problem of language as a live organism, the connection of language and thinking. The similarities and differences of the views by Wilhelm von Humboldt, August Schleicher, Friedrich Max Müller and Abel Hovelaque on the above mentioned problems are revealed.

Key words and phrases: language; organism; naturalism; essence; life; race; speech; thinking.

УДК 181.111

В статье ставится задача рассмотреть фразеологический образ оценочных наименований лиц как результат сложных процессов переосмысления. Основное внимание автор акцентирует на сущности процесса фразеологизации, которая тесно связана с семантической трансформацией исходных словосочетаний в единицы нового качества, обладающие целостным переносным значением. Статья иллюстрирует особую продуктивную роль метафорических и метонимических переносов в образовании антропонимантов. В результате чего фразеологический образ, непосредственно отражающийся в актуальном значении фразеологизма-антропониманта, способствует структурированию фрагментов языковой картины мира, связанной с новым образным восприятием известных предметов и явлений окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм-антропонимант; метафора; метонимия; фразеологизация; архисема; семантическая деривация.

Титова Ольга Анатольевна, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
titov-pv@yandex.ru

**МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИАНТОВ**

Идея уподобления одной сущности другой непосредственно коррелирует с феноменом метафоры, которая в последнее время находится в фокусе научных изысканий философов, психологов, лингвистов. Именно метафоре отводится едва ли не главенствующая роль в познании и интерпретации окружающей действительности. Исследования в данной области берут начало с трудов Аристотеля, отмечавшего достоинства использования метафоры не только в качестве украшения речи, но и как средства познания. Существующее разнообразие взглядов на метафору с точки зрения различных наук (философии, логики, риторики, лингвистики и др.) лишь подтверждает сложность и многоаспектность данного явления, загадка которого, по-видимому, далека от своего разрешения.

Являясь орудием языка, с одной стороны, и основным средством мыслительной деятельности, с другой, метафора рассматривалась с разных сторон: в качестве тропа – в поэтике и стилистике, как средство номинации – в лексикологии, как особый вид речевого употребления – в прагматике, в качестве ассоциативного механизма – в психологии и психолингвистике, как способ познания – в философии и когнитивной психологии. Смыслопорождающими истоками в процессах вторичного лингвосомиозиса оказываются опорные для данной лингвокультуры когнитивные метафоры, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие более частотные метафоры [12, с. 175].

Обобщенно, в результате действия механизма концептуальной метафоры, осуществляется «перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [4, с. 55].

Процесс формирования метафор обусловлен биологической природой человека и его опытом взаимодействия с окружающим миром, физическим и социальным. В связи с этим, как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорами [5, с. 387]. Еще одна точка зрения на метафору отражена в так называемой «теории концептуального слияния/сплава» (*Conceptual Blending Theory*). Согласно основоположникам данной теории Ж. Фоконье и М. Тернеру, метафора так же, как в теории Дж. Лакоффа, трактуется как концептуальный феномен. Однако предлагаемая Дж. Лакоффом однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель является, по мнению Ж. Фоконье, лишь частным случаем более сложного комплекса когнитивных процессов. Ученый считает, что основной единицей когнитивной организации является не область, а ментальное пространство, частичная и временная структура репрезентаций, которая образуется в сознании говорящего,